

воды, похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий“.¹

И у Ключевского, как и у Карамзина, яркие характеристики „древних героев“ русской истории начинаются только с Грозного.

Вспомним, что и у других историков, и в исторической беллетристике, и в исторической драматургии — главные характеры, привлечшие наибольшее внимание ученых, художников, — это Грозный, Борис, Самозванец, Шуйский. Чем объяснить такое странное положение? Неужели и, в самом деле, сложные и сильные характеры появляются в русской истории только с половины XVI в.?

Как будет ясно из дальнейшего, многое в этой картине зависело от самих исторических источников. Это особенно ясно у Карамзина, который ставил себе главной задачей художественный пересказ древних источников, но и в других случаях, когда мы имеем дело с тем же „художественным“ воссозданием исторической действительности (у Соловьева, у Ключевского), мы видим то же следование источникам, их характеристикам. Образы русских исторических деятелей второй половины XVI в. — начала XVII в. были подсказаны этими источниками главным образом „художественно“. Поразительные по своеобразию характеристики, созданные в повествовательной литературе начала XVII в., оказались действенными для всей исторической литературы последующего времени. Пересматривались факты, но не пересматривались характеристики. Критически взвешивались все сведения частного характера, но при создании основных исторических обобщений историки и писатели нового времени долго оставались в плену у художественных образов, созданных авторами начала XVII в.

Начало XVII в. было временем, когда человеческий характер был впервые „открыт“ для писателей во всей его сложности и противоречивости.² До XVII в. проблема „характера“ вообще не стояла в рус-

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, М. — П., 1923, стр. 58—59.

² Мысль об „открытии“ человеческого характера в литературе начала XVII в. была впервые высказана О. А. Державиной в статье „Анализ образов повести XVII в. о царевиче Димитрии Угличском“. Приведу полностью высказывание О. А. Державиной. Говоря о размышлениях дьяка Ивана Тимофеева по поводу характера Бориса Годунова, О. А. Державина пишет: „Такое размышление над характером человека (мы встречаем его в зачаточном виде и у других писателей начала XVII в.) — большая новость в древней русской литературе, где личность обычно была выразительницей божественной воли или «сосудом дьявольским». Правда, у писателей XVII в., рядом с этой новой чертой, почти всюду мы читаем и ссылку на сатану, врага рода человеческого, который влагает злые мысли в голову Бориса, — так, новые черты сосуществуют рядом со старым традиционным, средневековым объяснением. Но все же появление этих элементов подлинной характеристики очень значительна. Оно указывает на растущий интерес к человеку как личности, к его индивидуальным, отличающим его от других людей, особенностям. В сложном образе Годунова древне-русский писатель впервые столкнулся с нелегкой задачей — дать характеристику живого человека, в котором перемешаны и хорошие и дурные качества, которого, как выдающуюся личность с ярко выраженной индивидуальностью,